

... ГЛАВА 1 ...

Когда живая изгородь из вьющихся ларрейских роз подернулась дымкой, Анна благоразумно убрала руки. И вовремя. Дымка осела на глянцевых листьях, тронула тленом искрящиеся лепестки — еще бы день-два, и можно было бы заняться опылением, — спустилась к самой земле, не оставляя надежды, что хотя бы пара почек уцелеет.

Розы некоторое время стояли. Неподвижно.

А затем осыпались сизоватым пеплом. На треклятом же заборе не осталось и следа, разве что красный камень, из которого этот забор был сложен во времена незапамятные, стал будто бы ярче.

— Извините, — раздалось с той стороны. — Кажется, я несколько не рассчитал...

— Кажется, — Анна стиснула кулачки и губу закусила.

Роз было жаль. Себя еще жальче, потому как на близость темной магии проклятье отозвалось знакомой болью, предупреждая, что остаток дня будет... не слишком хорош. И на ночь придется пить обезболивающее, которого осталось на доньшке, а мастер Цетлер и это выписывал с преогромной неохотой.

Ему все казалось, что Анна притворяется. Женщина в ее годах просто-напросто не имеет права болеть. Даже если она проклята.

— Мне очень жаль, — сказано это было весьма нейтральным тоном, который будто бы подчеркивал, что на самом деле этому человеку не то чтобы вовсе не жаль, ему просто-напросто нет дела ни до самой Анны, ни до ее несчастных роз.

А завтра все придется начинать сначала, благо в хранилище у нее осталось с полдюжины спящих кустов. Правда, сил в них придется вложить изрядно. Даже если ускорить процессы, то пока еще они на цветение выйдут.

А «птица сирий», с которой Анна и хотела сделать перекрест, того и гляди осыпаться начнет. И этот процесс у нее вряд ли получится замедлить. И что остается? Ждать следующего года.

Если она дотянет до следующего года.

— Анна, — Анна убрала с лица прядь и подумала, что выглядит она, должно быть, куда более жалко, нежели обычно. И пусть трость ее осталась у стены — еще надо подумать, как до этой стены дойти-то, — но обманываться не след. Соседу уже доложили.

И про ее хромоту. И про развод. И про общую бессмысленность существования.

В таких вот небольших городках люди точно знают, чье существование имеет смысл, а чье — напротив.

— Что?

А вот сосед на некроманта не походил совершенно. Высокий. Сухощавый, но без обычной, свойственной людям кабинетного дела сутуловатости. Кожа темная. Черты лица правильные, но при всем том какие-то... скучные, что ли? Разве что челюсть нижняя тяжеловата.

Давеча в медицинском журнале, который Анна выписывала уже скорее по привычке, нежели в надежде отыскать что-то, что помогло бы ей справиться с проклятьем, она прочла презанятнейшую статейку о влиянии строения черепа на умственные способности человека.

По всему выходило, что с умственными способностями у соседа было не ахти.

С другой стороны, кольцо мастера совсем дураку не выдали бы. Или...

— Анна, — повторила она, сняв измазанные землей перчатки. — Меня так зовут. Мы не были представлены, но если уж случай выпал...

— Несчастный.

Она слегка склонила голову, соглашаясь, что произошедшее вряд ли можно назвать счастливым случаем.

— Глеб, — сосед разглядывал ее. — Белов.

С интересом. Вот с тем самым интересом, с которым Ольга Павловна, обитавшая в третьем доме, который с па-

лисадником и мезонином, разглядывала в мясной лавке куски свинины.

— Очень приятно, — следовало бы сказать что-то еще, устанавливая те самые добрососедские отношения, с которыми у Анны совершенно не ладилось, как не ладилось с людьми в принципе. Она старательно улыбнулась, надеясь, что улыбка вышла в достаточной мере дружелюбной.

Правда, вновь напомнило о себе проклятье, но у Анны получилось не застонать.

Если подумать, к боли она давно уже привыкла, а что до остального...

— Сколько я вам должен?

Волосы у мастера Глеба были светлыми. И вправду Белов. Выгоревший на солнце, и только серебристые нити седины поблескивают, будто кто припорошил пряди модной в нынешнем сезоне блестящею пудрой. И брови тоже светлые и выделяются на загоревшей дочерней коже.

— За розы, — терпеливо повторил он. — Сколько?

— Сто двадцать рублей.

— Сколько?! — вот теперь он удивился.

— Это ларрейские. — Анна стиснула кулачки, пытаясь отрешиться от боли, которая ныне была как-то чересчур уж сильна. — Ампельные. Сорт «морозная ночь». У меня есть каталог и...

Он взмахнул рукой, обрывая поток нелепых ее объяснений.

У нее никогда-то не получалось просто говорить о том, что ей нужно. И это злило людей. Они сдерживались, как вот бывший супруг Анны или этот мастер, который едва заметно поморщился.

— Двадцать пять рублей саженец. Четыре куста.

Она могла бы и отступить.

Сумма не так уж и велика, все одно ей содержание трагично не на что, а розы... розы еще остались. И если скрестить не с «птицей сирийской», а с «вяземской дымчатой», может получиться интересно. Особенно если попытаться закрепить и немного осветлить тот характерный и вправду дымчатый оттенок.

— А за работу? — Глеб смахнул пыль с невысокой ограды, разделявшей два участка. Или это была не пыль, а пепел, оставшийся от роз? — Вы ведь маг? Жизнь, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь.

Жизнь.

Только слабенькая, ее и хватает разве что на цветы. Было время, Анна в целители пойти мечтала, будто чувствовала, что пригодится. Но не взяли.

Перегоришь, деточка. Одного желания мало. Тебе чего попроще бы, поспокойней...

И она согласилась. Она всю жизнь со всем соглашалась, пока не поняла, что ничего-то хорошего из этого согласия не выходит.

Но сосед ждал ответа. И Анна вновь вздохнула:

— Я только начала... первый этап, поэтому... просто за розы.

Глеб слегка наклонил голову. И что бы это могло значить? Согласие? Или... ничего? И почему молчит? Надо ли Анне что-то сказать? О погоде вот? О ласточках, которые в этом году появились раньше обычного? Они свили гнездо под крышей и теперь каждое утро будили Анну чириканьем. А в старом саду, который некогда принадлежал действительному училищу первой степени, поселились соловьи.

Училище еще три года тому расформировали, и белые длинные строения медленно разрушались. Поговаривали, что вот-вот город передаст их в руки благотворительного комитета с тем, чтобы организовать приют, но то ли слухи были неверны, то ли обыкновенная бюрократия мешала благому делу, но сад дичал, а соловьи в нем чувствовали себя весьма вольготно.

Там было спокойно. Безлюдно.

— Что ж, — Глеб отступил от ограды, разрушая затянувшуюся паузу, — мой ученик занесет. Был рад знакомству.

— Я тоже. — Это было, пожалуй, вежливо.

Он отступил. И еще. И только затем повернулся спиной и широким шагом направился к дому.

И лишь когда он удалился на привычное расстояние, Анна позволила себе опереться на сливу. Дерево отозвалось на прикосновение волной тепла, но ее было недостаточно, чтобы унять боль.

Ничего. Она сможет. Она сильная... всего-то и надо, что сделать пять шагов, даже четыре, а там руку вытянуть, коснуться трости. И жаль, что в отличие от того фокусника

с прошлогодней ярмарки Анна не владеет искусством переноса предметов. Было бы весьма полезно.

До стены она все же добралась, хотя левая нога совершенно онемела и переставлять ее пришлось руками. Ничего. Пройдет. С тростью, оно легче.

А дома и вовсе хорошо, если лечь на пол и лежать, просто лежать, разглядывая потолок и думая, что вся ее жизнь как-то не задалась.

Почему?

Анна появилась на свет в Петергофе, столице, в семье среднего достатка, но немалых амбиций. Папенька ее, служивший при госпитале старшим целителем, обладал изрядной силой и умением, принесшим ему определенную известность. Как-то скоро он сменил один госпиталь на другой, где пользовали уже публику иного свойства и дохода, а следом и на третий, коему покровительствовали его императорское величество, и сей факт открывал немалые карьерные перспективы.

К сожалению, не сбылось...

О батюшке Анна, к стыду своему, помнила весьма смутно. Он был крупным. Шумным. И вечно недовольным, то ли отвратительной бездетностью матушки, которая только и сумела, что произвести на свет лишь болезненную дочь, то ли просто несоответствием этой тихой женщины, пребывавшей всецело в молитвах и постах, своему новому положению.

От отца пахло больницей и скандалами.

Правда, стоило сказать, что в квартире их, расположенной на пятом этаже доходного дома, он появлялся редко. После уж Анна поняла, что вовсе не из любви к работе, точнее, не к одной работе, но...

Матушка молилась. Она молилась утром. И днем. И вечером тоже. Она находила в молитве то успокоение, которое не способна была отыскать в семье, оставив и мужа, и дочь, и квартиру на старуху Кулмыкину, числившуюся какой-то дальнею родственницей. Та же, пребывая в убеждении, что многоуважаемому Платону Орфеевичу в жизни не повезло, не упускала случая упрекнуть этим невезением Анну.

Что ж, нельзя сказать, что детство ее было вовсе безрадостно.

Она не голодала. Даже когда батюшка погиб совершенно нелепо, даже позорно, ибо нашли его в веселом квартале, пьяным и мертвым, — выяснилось, что при всей нелюбви своей к Анне — а он желал сына и наследника, продолжившего бы дело и, чем не мечта, основавшего бы новую династию целителей, — позаботился о ее будущем. Он полностью оплатил обучение Анны в небольшом, но слишком известном, но все же имеющем хорошую репутацию пансионе, где помимо обычных грамматики и чистописания преподавали и основы магической науки, предоставляя о том соответствующую бумагу. Помимо прочего, Анне определили содержание, отдельное от матушки, верно прекрасно понимая, что все деньги любезная Евлампия Егорьевна потратит скорее на страждущих, нежели на родную дочь. В общем, когда матушка изъявила желание уйти от мира, для Анны ровным счетом ничего не изменилось. Разве что отпала необходимость посещать дом на выходных, но о том Анна не жалела, ибо визиты эти оставляли в душе премерзкое послевкусие.

Что до пансионата, то там Анне нравилось. Пусть и не обзавелась она подругами в силу собственной нелюдимости и характера, который наставницы, вздыхая, в один голос объявили тяжелым, но учеба ей нравилась. Она же сама была тиха, спокойна и не доставляла проблем, чем со временем заслужила если не любовь почтенной госпожи Ветельской, то всяко ее благодарность.

Интересно, отчего отец не понял. Ведь если проклятье существовало, если оно пряталось в Анне с рождения, то он бы знал.

Тогда почему не сказал? Не счел нужным? Анна была не так и мала, когда отца не стало.

Или не о чем было говорить? Он, как и многие иные целители, обладал на редкость неуживчивым, тяжелым нравом, который обострялся, когда оказывалось, что некая болезнь не желает уступать. Что, если проклятье было не по силам ему?

Никому не по силам.

Стало быть...

На память о заведении госпожи Ветельской Анне остался аттестат с отличием, выправленный по установленной форме, благодарственное письмо и сертификат, до-

звояющий применение силы в воздействиях до пятого уровня. А заодно уж рекомендации, которыми Анна и воспользовалась. Поступать в университет она не решилась, а вот на Изгатовские курсы ее взяли сразу, правда, совсем не туда, куда хотелось, но...

Никто не виноват. Просто дар. И правила. Правила надлежит соблюдать, а маги жизни нужны не только в госпиталях. С растениями же Анна управлялась с легкостью, и они к ней тянулись, чувствуя родную силу. Пожалуй, те два года были самыми счастливыми в ее жизни.

Она была свободна. Училась. И будущее представлялось ей если не радужным, то всяко чудесным. Душа ее ждала чуда, а сердце трепетало в предвкушении чего-то, несомненно, волшебного, способного переменить всю тихую ее жизнь.

С супругом своим Анна встретилась в библиотеке.

Нельзя сказать, что она влюбилась сразу. Скорее уж обратила внимание на сдержанного, задумчивого юношу, который книгам уделял куда больше внимания, нежели девушкам.

— Лазовицкий? — соседка Анны, с которой она вынуждена была делить комнату, потому как снимать отдельную было весьма накладно, знала все и обо всех. — Божечки... два книжных червя не могли не найти друг друга. Он же тоскливый, как... как клизма!

Ольга наморщила носик.

— И ко всему совершенно бесперспективный. Сама посуду. Семья средняя, он третий сын, дело отойдет старшим. Да и того дела — пара скобяных лавок. Силы в нем капля, чудом поступил. Если хочешь, я сведу тебя с Ивлевским. Он, конечно, туповат, но зато при деньгах.

Никанор Лазовицкий и вправду был небогат. Не особо привлекателен. И силой обделен.

Он первым подошел к Анне, когда у нее не ладилось с начертательной магометрией. Все же формулы высшего порядка, которые проходили на курсах, ибо положено сие было, давались ей тяжело. И она мучилась, пытаясь вывести показатель преломления силы в берилловом накопителе, ограненном розой, при условии...

Задача казалась ей непосильною. И не только ей, следовало сказать.

— Помочь? — Никанор навис над столом. — Если, конечно... — Он слегка покраснел.

— Буду рада, — Анна тоже покраснела.

Тем вечером они покинули библиотеку вместе. Душу грели решенная задача — в объяснении Никанора она разом утратила былую сложность — и его внимание.

А затянувшаяся прогулка стала первой из многих.

С Лазовицким Анне было спокойно. Уютно. И еще он умел рассказывать, причем, казалось, обо всем на свете. О запуске ли нового завода, построенного на Урале, о звездах ли или же все той же магометрии, в которой Анна стала, к удивлению для себя и преподавателя, неплохо разбираться.

Спустя месяц Никанор поцеловал ее.

Еще через два сделал предложение, которое Анна приняла. К тому времени она уже не мыслила себе жизни без него, и пусть бы Оленька фыркала, сама перебирая ухаже-ров, что бисер, Анне было безразлично.

Свадьба была тихой.

И лишь полная матушка Никанора, оглядев невесту, покачала головой:

— Мог бы найти и кого получше. Ишь, хилая какая...

В первый год они снимали комнатку на окраине. Анна устроилась в цветочный магазин, благо курсы дали не только умения, но и бумагу, позволявшую применять заклятья до второго уровня включительно, а с ней и очередные рекомендации. Никанор учился.

Он все же поступил в университет.

— Дура. — Оленька пригласила Анну на свадьбу, прикрепив к приглашению просьбу заняться цветами. — Он на тебе ездит. Это муж должен жену содержать, а не наоборот.

— Нам хватает. И я счастлива.

Она и вправду была счастлива — что в крохотной их комнатке со скрипучей кроватью и хозяйкою, которая, казалось, никогда не спала, что в магазинчике с ворчливой его владелицей. Платила та скуповато, но...

Спустя год Анну пригласили в другую лавку, а там и в третью.

Денег не стало больше, ибо выяснилось, что учеба в университете отнимает не только силы, но и финансы. Правда, нельзя сказать, что Никанор вовсе сидел без дела. Он писал

контрольные работы, брался помогать состоятельным приятелям, многие из которых испытывали определенного рода трудности с наукой, да и вовсе с радостью хватался за любое дело. Помогало содержание от батюшки, правда, оно иссякло, когда Анне исполнилось двадцать пять. Но к этому времени Никанор все-таки получил вождеденный диплом, и матушка его, ставшая лишь толще, сказала, не особо чинясь Анны:

— Разводись. Кого получше найдешь. А эта больная, если до сих пор порожня ходит. Вон у Стешика трое уже...

К счастью, с госпожой Лазовицкой Анна встречалась редко.

Тот год запомнился грозами.

А Никанор открыл свое дело, на что ушли сто тридцать семь рублей, которые Анне удалось собрать. Ей хотелось на море, но дело важнее.

Крохотная конторка на окраине города. Объявление в газетах. Два месяца тишины, и Никанор, становившийся день ото дня мрачнее...

Но у него получилось. Как? Анна и сейчас этого не представляла. Просто... получилось.

На море она отправилась спустя два года. Одна. У Никанора были дела и клиенты, оставлять которых он не имел права, пусть бы ныне в его конторе числилось с полдюжины человек, но ведь за всеми нужен пригляд. А дело растет.

И вправду росло. Сперва они переехали в небольшую, но зато собственную квартиру, затем, не прошло и года, сменили ее на другую, в месте куда более приличном. И на третью...

Дюжина комнат. Белый рояль. Столовая, где ныне надлежало обедать и ужинать, — к счастью, Анне позволено было сохранить ту любовь к завтракам на кухне, которая свойственна особам простого происхождения и простого же образования. Кухарка. Горничные.

Снова воды, на сей раз с компаньонкой, ибо госпоже Лазовицкой не стоит давать повода для сплетен. Несколько недель у моря в компании женщины, несомненно, достойной, но все одно чужой. Редкие звонки мужу — в отеле имелся телефон. И то горькое ощущение, названия которому Анна не знала.

Печаль? С чего бы ей печалиться? Теперь у нее имелась отдельная гардеробная, а в ней гардероб, достойный госпожи Лазовицкой. Соболеь манто. И сафьяновые сапожки из мастерской Филатова. Шляпки, перчатки, пояса и веера. Шали. Горжетки.

Чековая книжка, которой Анна, говоря по правде, несколько стеснялась пользоваться. Но, несмотря на осторожность, гардеробная наполнилась, а ее жизнь становилась... не такой. Никанора она видела редко и встречи те были коротки, суетливы, будто бы она, Анна, крадя время или даже чужую жизнь.

— Потерпи, — сказал Никанор, когда однажды она все же решилась выказать нет, не совсем чтобы недовольство — с чего бы ей быть недовольной? — но удивление. — Ведь дело растет...

Оно росло и поглощало все вокруг.

Приятельниц Анны, которые вдруг оказались вовсе не того положения, чтобы принимать их в доме. Нет, Анна приглашала, но... разговоры все сводились к успехам мужа и его деньгам, к попыткам узнать, во что обошелся вот тот гарнитур из белого нефрита или дорого ли ныне держать прислугу. В этих разговорах, во взглядах Анне виделась зависть.

Работу, ибо невозможно, чтобы женщина ее положения трудилась в какой-то лавке. Нет, Никанор лавку ей купил, чтобы не скучала. А в новом особняке, который возводился по его проекту, заложили оранжерею и сад. Но лавкой ведал управляющий, человек мрачный и недовольный жизнью, полагавший Анну состоятельной бездельницей. Не без причины.

А в доме... они въехали в него зимой, в огромный гулкий особняк, показавшийся Анне чересчур уж большим. Как не заблудиться в таком?

Она и блуждала целыми днями, не имея желания наносить визиты, — все те люди, которые вдруг заинтересовались Анной, были ей незнакомы и потому заранее пугали. Кажется, именно тогда она потихоньку начала осваиваться со своим одиночеством. Оранжерею спасала.

А вот к саду ее не допустили. Им занимался человек опытный, оттого несколько авторитарный и не склонный учитывать пожелания каких-то там недоучек, пусть бы и были они женами миллионеров.

Спина заняла совсем уж невыносимо. И Анна, порадовавшись, что окна первого ее этажа прочно защищает рубиноволостный плющ, подняла ноги. Если упереться ими в софу и согнуть в коленях, станет легче. Ненамного, но все же...

.... ГЛАВА 2

Матушка Никанора стала частой гостьей. Она, пожалуй, и вовсе не отказалась бы поселиться в особняке, однако здесь Никанор проявил прежде несвойственное ему упрямство и приобрел матушке собственный дом.

Еще один — брату. И второму тоже. Более того, он готов был приставить их к делу, хотя, по собственному признанию его, особыми способностями братья не блистали, но все же родня... Не важно.

Госпожа Лазовицкая обычно появлялась без предупреждения. Она держалась хозяйкою, всем видом своим показывая, что именно с нею и следует считаться. Она находила пыль. И пеняла Анну за нечищенные каминные решетки. Впрочем, только бы за них...

— Пора рожать, — она тыкала толстым пальцем в живот Анны. — А то где это видано... связался на свою голову с пустоцветихой...

И громкий ее голос разносился по комнатам. В такие минуты Анна совершенно терялась. Ей хотелось уйти, запереться в оранжерее, пожалуй, единственном месте в доме, которое Анна могла бы назвать своим, но от госпожи Лазовицкой было не так просто избавиться. И стоило признать, что она была права. Анна давно уж заподозрила, что с нею неладно, но...

С тем, прежним, Никанором она, быть может, нашла бы в себе силы поговорить, а нынешний ее пугал.

Она решалась. Долго. Она выбирала момент, а выбрав, сумела сказать:

— Кажется, я не совсем здорова.

Тот разговор получился недолгим, мучительным, несмотря на то, что Никанор проявил немалое терпение — с возрастом он сделался весьма раздражителен и нервозен, хотя и в прежние годы не мог похвастать легкостью характера. Но тогда...